

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 930-943. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.930
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case

Andrey Yu. Dvornichenko ^{a, *}, Regina-Elizaveta A. Kudrayvtseva ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the analyses of the views of the prominent Russian historian N. M. Karamzin connected with a history of Great Duchy of Lithuania (GDL) before the Union of Lublin (1569) during a period of independently development of this state, because the next period is a separate theme. The authors show that these views are complex and having not a single meaning. We must have in mind that historian himself developed together with his main work: "The History of Russian State". In the first volume one can notice some lack of knowledge concerning Lithuanian-Russian history, but already in the second volume and in the further volumes he constantly presents for us this history. GDL became in his book one of the main actors of Russian history. And what is more that one can see to some degree a bifurcation of his consciousness in connection with GDL. From one side, this state was an enemy of Muscovy, which took some territories, which had had been the State property of Muscovy. But from an other side, Lithuania itself have united vast Russian lands and transformed in so called "Lithuanian Russia". Such bifurcation keeps before the rain of Ivan the Terrible. In consideration of a reach historiographies and sources base in Karamzin's book, we can tell about him as a notable lithuanist. His work is a significant stage in development of Russian scholar in this field, which flourished during second part of 19th century.

Keywords: Lithuanistic, N.M. Karamzin and his "The History of Russian State", Great Duchy of Lithuania and Russia, reach historiographies and sources base.

1. Введение

Творчество Николая Михайловича Карамзина явно относится к разряду «нашего всего», и, как ко всему нашему, у нас отношение к этому творчеству очень противоречивое, «в движении времени» уж точно (Сапченко, 2006: 7-24). Между тем изучение его наследия оставляет желать лучшего. На смену проникновенному (иногда – натужно) перестроечному восхищению пришло, если не забвение, то очень дозированное внимание. Карамзин же достоин большего: без его произведений, всей его деятельности и даже жизни не понять законов развития культуры России, не говоря уж об истории накопления исторических знаний.

Но нас в данном случае интересует хоть и важный, но конкретный факт его творчества: занятия литуанистикой. Под ней мы понимаем комплекс знаний о литовско-русской истории, в первую очередь до 1569 г., когда Великое княжество Литовское и Польша объединились в одно государство – Речь Посполитую. Две географические части этой истории оказываются на поверку столь слиты, что многие и не хотят выделять такую науку – литуанистику. Во всяком случае энциклопедии тут пасуют и просвещать нас не хотят. Приходится это брать на себя и рассуждать о пользе данного ответвления исторической науки (см., напр.: Дворниченко, Кудрявцева, 2019). Впрочем, вслед за не столь уж давним предшественником Карамзина вполне можно сказать, что об этой пользе «не потребно

* Corresponding author

E-mail addresses: a.dvornichenko@spbu.ru (A.Yu. Dvornichenko), aethel@yandex.ru (R.-E. A. Kudrayvtseva)

толковать, которое всяк видеть и осмусьтать может».¹ И хоть В.Н. Татищев сказал это об истории в целом, но вполне можно отнести и к нашему предмету.

2. Материалы и методы

Образ Карамзина-литуаниста – сложен и неоднозначен. И как уже отмечено, не изучен. В последние годы лишь М.Б. Свердлов сделал несколько наблюдений над текстом «Истории государства Российского» именно в связи с литовско-русской историей (Свердлов, 2018: 169, 260, 265-267), да А.И. Филюшкин касался взглядов историографа на Ливонскую войну (Филюшкин, 2013: 253-254). Напрямую к взглядам Карамзина обращался (в том числе в своей кандидатской диссертации) калининградский историк М.Е. Мегем, но, как нам видится, недооценил историографа в качестве литуаниста (Мегем, 2011: 144-155).

История ВКЛ для Карамзина, как и для его предшественников, еще не стала отдельным предметом изучения. Она теснейшим образом переплетается с российской историей в целом. Можно заметить и определенные противоречия в подходах к ВКЛ у великого историка. В.А. Кучкин подметил, что историограф, «...встречаясь со все возрастающим числом княжеских завещаний и междукняжеских договоров и знакомясь с ними, вынужден был делать частные выводы, расхоdivшиеся с его общими воззрениями на русскую историю...» (Кучкин, 1993: 465). Следует также иметь в виду и то, что Карамзин рос и развивался вместе со своим произведением – делом всей его жизни. Знания его росли и вместе с этим ростом могли меняться далеко не только «частные выводы»... Как увидим, были противоречия, вызванные и другими причинами. В общем, с материалами понятно – это «История государства Российского», что же касается метода, то он должен быть комплексным. Нужно погрузиться в текст Карамзина, не забывая при этом и о контексте, т.е. состоянии науки его времени, его предшественниках и современниках.

3. Обсуждение и результаты

Впервые само слово «Литва» у историографа появляется в связи с описанием места обитания славян: «сей народ был прежде мало известен Грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных» (Карамзин, 1989а: 40). Рассуждая же о народах иноплеменных, которые жили в древности в «России», Карамзин допускает ошибку, которую, между прочим, не допускали его предшественники. Он пишет: «Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (В Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссими составляют народ Латышский» (Карамзин, 1989а: 51).² Это не было оговоркой: в большей части первого тома историк сохраняет веру в такую этническую принадлежность литовцев.³ Это, конечно, лучше, если бы он спутал их с эстами! Интересно, что в это время он еще не знает хорошо известной легенды о происхождении литовцев от римлян, а приводит «древнее предание Латышей», считавших, что их первый правитель, по имени Видвут, царствовал на берегах Вислы, здесь народ свой сформировал и населил им Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где ими управлял священник Кривее (Карамзин, 1989а: 52).

Эта латышская «ориентация» преследует историка и дальше в этом томе: идет ли речь (по Стрыйковскому) о «латышском» боге Ладо, которого почитают в Литве и Самогитии, или о диком, но мужественном народе «латышском» – ятвягах (Карамзин, 1989а: 80, 145; 228 прим. 205). Видимо, о языковых семьях представление было еще смутным: тех же эстов он отнес к германским народам. Напрасно мы будем искать у Карамзина и характеристики племенного (родового) быта литовцев. Впрочем, не будем предъявлять к историографу завышенные требования, ведь это и сейчас крайне сложная проблема (Дворниченко, 2015: 152-160).

Но уже на этом этапе мощный ум Карамзина, его научная прозорливость служат ему и читателю добрую службу. Да и потом – век-то уже девятнадцатый, не шестнадцатый уж точно и даже не восемнадцатый! Он не хочет, подобно М. Стрыйковскому, допустить, что в Литву ушли аланы, ведь аланы – северокавказские жители. Он не согласен и с В. Н. Татищевым в том, что кривичи – сарматы. Славяне они, и «владение сего народа столь обширно, что литовцы всю Россию называли землей Кривичей» (Карамзин, 1989а: 185 прим. 40; 196 прим. 70; 273 прим. 388). Но, в целом, в первом томе Карамзин в качестве литуаниста слаб. Еще раз он упоминает Литву, когда рассуждает об обширных пределах «России», превосходившей едва ли не все европейские государства (Карамзин, 1989а: 163).

¹ В.Н. Татищев и сам внес значительный вклад в литуанистику, собственно, он был одним из первопроходцев (См.: Дворниченко А.Ю. У истоков литуанистики: век «осмнадцатый» (в печати).

² В этой ситуации его спор со знаменитым И.Х. Гаттерером, который посчитал «латышей» сарматами, кажется несколько комичным (Карамзин, 1989а: Прим. 80, с. 212).

³ Говоря о происхождении литовцев, он пишет: «Когда Готфы удалились к пределам Империи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского и смешались с остатками первобытных Готфов, начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались Латышами или обитателями земель расчищенных: ибо “лата” знаменует на языке Литовском “расчищение”» (Карамзин, 1989а: 52).

Да еще повторяя сомнительное сообщение того же М. Стрыйковского о том, что «Поляки, Русь, Литва и Мазуры обыкли бяху купли шкурками совершать» (Карамзин, 1989а: 307 прим. 524).

Ситуация улучшается ко второму тому. Здесь уже в начале, рассказав о войне Ярослава с ятвягами, литвой и мазовшанами,¹ историограф в одном из своих знаменитых примечаний пишет о литовцах, справедливо заявляя, что «мнимые древние известия о происхождении Великого Герцогства (простим ему это «герцогство» – Авт.) Литовского баснословны и явно основаны на догадках». Под огнем критики оказывается теперь ему уже известная «римская» легенда, выводящая правящую династию Литвы из Италии.² Критика несколько архаична: «Сколько же веков жил Палемон с детьми своими, если Август, Нерон или Аттила заставили его бежать из Италии, если внуки (курсив везде Карамзина – Авт.) Палемоновы господствовали в Литве около половины XI столетия». Достается и «Стриковскому», и «сметливому Кояловичу». Для девятнадцатого века хотелось бы чего-нибудь большего, но вывод вполне правомерен: история Палемонова есть сказка, а литовцы упоминаются в Кведлинбургской летописи под 1009 г. А из других летописцев никто ранее Нестора о литве не говорит (Карамзин, 1991: 20; 204 прим. 35).³

Теперь со знанием дела, как рыба в воде ориентируясь в историографии (вот это эволюция!), Карамзин рассуждает и о «латышской голяди», стараясь определить место «Галиндии», повествует о борьбе русских князей с литовцами (Карамзин, 1991: 45; 231 прим. 110; 107, 173, 234 прим. 114; 289 прим. 253; 339 прим. 386). Отмечает и такую «новину»: «В сих ничтожных, однако ж кровопролитных распрях, Литовцы служили Кривским владетелям как их подданные» (Карамзин, 1991: 183; 346 прим. 407). Литва могла быть союзником и других князей (Карамзин, 1991: 191, 353 прим. 423).

Карамзин почувствовал и начало коренного изменения ситуации. Он так ее определил: «В сие время Россия западная узнала новых врагов, опасных и жестоких. Народ Литовский, в течение стапятидесяти лет подвластный ее Князьям, дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками», а теперь стал тревожить набегами «области Российские» (Карамзин, 1991: 389).⁴ Конечно, назад его тянут эти пресловутые «веники», но «скромного обаяния» М. Меховского в этом вопросе мало кто мог избежать, даже такой критично настроенный к легендам историк, как И.Н. Болтин (Болтин, 1794: 390). Успехам литовцев способствовали «непрестанные наши междоусобия, разделение земли Кривской и слабость каждого Удела в особенности». Отмечает Карамзин и отличную военную подготовку литовцев. Историк не упускает, пожалуй, ни одного сообщения о борьбе с литвой, хваля позицию, например, князя Рюрика Ростиславича, который «ходил с войском на Литву, как бы предвидя, что она будет для нашего отечества еще опаснее половцев». Князь Ярослав Владимирович вместе с полоцкими князьями согласился идти «на Литву или Чудь» (Карамзин, 1991: 393; 401, 551 прим. 86). Впрочем, ситуация по-прежнему неоднозначна: те же полочане действуют вместе с литвой, а «двинского князя» Всеволода немецкому епископу Альберту всерьез пришлось отваживать от союза с литовцами, причем от этого союза плохо приходилось не только немцам, но и «россиянам» (Карамзин, 1991: 411, 556 прим. 101; 435, 572 прим. 150). А «Черниговские владетели счастливо воевали с Литвою», как и другие русские князья и земли (Карамзин, 1991: 414, 558 прим. 109). Выдающимся борцом с наступлением литвы был Роман Галицкий (Карамзин, 1991: 416; 560-561 прим. 114). Кстати, в этом примечании Карамзин не только приводит летописные сообщения, но и старается исправить ту ошибку, которую допустил М. Стрыйковский, а у него взял и наш В.Н. Татищев.⁵ Знаменитая поговорка («Романе! Худым живеша, Литвою ореша») относится не к Роману смоленскому, а именно к Роману Галицкому.

И все-таки до XIII в. историк не склонен преувеличивать литовскую угрозу. В разделе «Состояние России с XI до XIII века» он отмечает, что рыцари немецкие вытеснили новгородцев и кривичей из Ливонии, но далее не могли продвинуться, а «Литовцы были не что иное, как смелые грабители. Других опаснейших врагов отечество наше тогда не знало» (Карамзин, 1991: 465).

Качественно ситуация начинает меняться именно в XIII столетии. Литовские набеги продолжаются и становятся все более интенсивными: никогда еще не причиняли столь великого зла

¹ «Здесь под именем литвы должно разуметь жителей северо-восточной Пруссии и нынешней Литовской губернии, особенно ее северной части: ибо южная принадлежала к земле ятвяжской» (Карамзин, 1991: 20).

² К высказываниям Карамзина по поводу этой легенды, которую он знал в изложении Стрыйковского, впервые обратился Н.Н. Улащик (Улащик, 1985: 169).

³ Карамзин развенчал Стриковского в части «внуков Палемона» и в другом месте (Карамзин, 1991: Прим. 122, с. 236).

⁴ Интересно, что ссылается он в этом случае на всегдашнего «Стриковского» и ливонскую хронику И.Д. Грубера, вспоминает и «Слово о полку Игореве» (Карамзин, 1991: Прим. 65, с. 536). Более подробно «Слово», в том числе и касательно деяний литвы, он пересказывает в специальном разделе о «состоянии России» (Карамзин, 1991. Там же. С. 476-477).

⁵ На ошибку «последнего летописца» обратил внимание П.П. Толочко, совсем недавно писал о ней А.В. Горовенко (Горовенко, 2019: 288).

«Государству российскому» (Карамзин, 1991: 490; 621 прим. 313).¹ Этими набегами озабочены новгородцы, но и других «соседей» эти набеги ужасали. Этот народ «занимался единственно земледелием и войною; презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию». Русские князья вместо того, чтобы «истребить гнездо разбойников и покорить их землю», только гонялись за литовцами, а те вскоре «одержали совершенную победу над сильною ратию Ливонских Рыцарей», в которой сам магистр положил голову со многими витязями немецкими и псковитянами, бывшими в их войске.²

Борьба с литвой продолжается до конца третьего тома: с «хищными Ятвягами и Литовцами» борется и побеждает знаменитый Даниил Романович (Карамзин, 1991: 504). В третьем томе впервые появляется (правда, в примечании) и Миндовг, а также Новгородок Литовский (Карамзин, 1991: 634-635 прим. 646). Наше представление об интересах Карамзина было бы не полным, если не вспомнить, что он постоянно рассматривает (а мы не рассматриваем, поскольку это сейчас к нашей теме относится лишь касательно) сюжеты, связанные с теми землями, которые в дальнейшем войдут в состав ВКЛ. Подход его к социально-политическому строю этих земель вполне «демократический» (Дворниченко, 2017: 41-48).³

Конфронтация с литвой прослеживается Карамзиным и в следующем – четвертом томе. Это не просто противостояние: литва становится, если выразиться по-современному, постоянным актором российской истории. Вот «литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частью Смоленской области» – с ними пришлось «разбираться» самому Ярославу Всеволодовичу. А вот Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, который пошел на литву со всеми боярами, и «обступил» Галич. Историк констатирует: «Литовцы беспрестанными набегами тревожат сию часть России» (Карамзин, 1992: 8, 27). То они с немцами и чудью опустошают берега Луги, то разбили Ярослава Владимировича, пал от них и московский князь. Впрочем, и против них находится антидот, прежде всего в лице великого Александра Невского (или его сына Василия) или того же могущественного Даниила. Монголы также оказываются достойным соперником литвы, хотя попытки натравить степняков на литовцев дорого стоили самим «россиянам» (Карамзин, 1992: 20-21, 41, 44, 49-51; 72-73, 82, 198-199; 202 прим. 91; 207-210 прим. 102).

Карамзин, двигаясь по хронологической канве, добирается до Миндовга («В Литве господствовал тогда славный Миндовг...»), и тут мы видим целую россыпь литуанистических наблюдений. И неважно, что они в примечаниях... Собственно, это даже лучше: ведь считается, что именно в примечаниях у Карамзина сосредоточена наука (Рубинштейн, 2008: 199).⁴ Историографу приходится констатировать тот факт, что «действительные исторические предания народа Литовского начинаются около сего времени, и неясность их еще более затмила от пустых догадок Историка Стриковского» (Карамзин, 1992: 212-213 прим. 103). Сам Карамзин добросовестно пытается разобраться в этих преданиях, сопоставляя сомнительные «догадки» М. Стрыйковского с не менее проблемными версиями Воскресенской летописи. И везде находит несоответствия! Опираясь на широкий круг источников и литературы, он пишет о важнейших событиях литовско-русской истории, таких как королевский титул Миндовга (Карамзин, 1992: 50). Некоторые наблюдения его вполне убеждают, например, в том, что «Товтивил господствовал в Полоцке с согласия тамошних граждан».

¹ Что подразумевает историограф под этим самым «Государством» – отдельный вопрос, к которому уже приходилось обращаться (Дворниченко, 2017: 41-48).

² Там же. С. 501. Здесь Карамзин, конечно, имеет в виду битву под Шавли (Шауляем), но такого названия он не знает. Пытается разобраться, где она была, взяв за основу сообщение Псковской архивной летописи, что литва «избиша Псковичь на Камне». В Литве два местечка называются «Камнями»: недалеко от Бреста и в Оршанском повете (Карамзин, 1991: Прим. 344, с. 630). Выбор историк не делает, отбросив-таки идею, что этот «Камень» был в «области Псковской, за рекою Великой» (так было в «Прибавлениях» к VIII тому второго издания «ИГР» (См.: Карамзин Н.М., 1991: Варианты и разночтения к тому III. С. 657, 57*). Здесь авторитетом для историографа был известный З. Ходаковский. Это интересный опыт исторического краеведения. Глухо говорит он об этой битве и в другом месте: «Ливонские рыцари после несчастной битвы с Литвою присоединились к славному Немецкому Ордену», после чего литовская угроза, впрочем, как русская и датская, для ордена ослабли (Карамзин, 1992: 17-18). В целом Карамзин стал неплохо разбираться в битвах, полемизируя с такими авторами, как Й.Г. Арндт и Х. Кельх (Карамзин, 1992: 186; Карамзин, 1993: 293 и др.).

³ Карамзин вспоминает и знаменитый татищевский сюжет о Святохне, в котором демократический строй Полоцкой земли представлен столь ярко. Подход его категоричен: «Я не нашел о том ни слова в летописях» (Карамзин, 1991: Прим. 208, с. 599).

⁴ Сейчас, правда, установлено, что это не просто «добротная систематизированная сводка фактического материала». В ней борются две тенденции: стремление к обогащению документальной базы и подчинение повествования идеям автора, что, в свою очередь, приводит и к текстуальным умолчаниям, и к «своеобразному редактированию текста» (Козлов, 1999: 164-165).

А как не согласиться с таким пассажем: «Кем построен Новгородок, не знаем; вероятно, Россиянами» (Карамзин, 1992: 214 прим. 107; 213 прим. 104).

В своей приятной для чтения манере писателя-сентименталиста Карамзин описывает литовские «мятежи», так же, как прежде в примечаниях, стараясь отделить аутентичные события от явно выдуманных. Особенно интересно его авторское эссе (в примечаниях) о смерти Миндовга (Карамзин, 1992: 61-62; 221 прим. 127; 58-60; 218-220 прим. 119-120) и, вообще, о Миндовге, «мятежи», битва под Раковором, эпопея с Довмонтом – все это сплетается в яркую (это ж писатель-то какой!), буквально цветную картину литовско-русской истории.

Через несколько страниц встречаем раздел: «Происшествия в Западной России». Интересно, что здесь впервые находим у Карамзина не только литовцев, Литву или Литовскую землю (Карамзин, 1992: 207 прим. 102), но «сильное Княжество Литовское», вырастающее из тех же литературных рассказов о об убийстве князем Львом князя Войшелка, которому то княжество и досталось. Убийный князь – фигура, с точки зрения россияна, привлекательная, поскольку хотел соединить кровь Св. Владимира с кровью славного Миндовга. Нельзя не отметить, что проблема генезиса литовского государства явно меньше волнует историографа, чем недавнего его предшественника А.Л. Шлецера, о работе которого он, кстати, не знал (см. ниже).

Литовско-русская история оживает под пером Карамзина: монголы снова идут на Литву и заставляют присоединиться и русских. Осадили Новгородок и Гродно, но пруссы, которым литовцы предоставили убежище в своих землях, оказались на высоте положения: кроме добычи в окрестностях, ничего союзники не получили. Излагая эту историю и по ходу дела разбираясь в ее нюансах, историк, похоже, окончательно решил проблему, которую не могли решить в предшествующем столетии. Речь идет о ясах, которых историки «осмнадцатого» столетия связывали с литовцами и ятвягами. Карамзин в рассказе о «россиянах» в Дагестане расставляет все точки над і: потомки сарматов ясы никакого отношения ни к литовцам, ни к ятвягам не имеют (Карамзин, 1992: 73, 77; 233 прим. 157). Карамзин и дальше не только живо излагает литовско-русскую историю, но старается разобраться в ее секретах, в ее героях, будь это князь Довмонт или Давыд.

Чем глубже Карамзин погружается в литовско-русскую историю, тем сложнее его историческому сознанию справиться с феноменом Литовско-Русского государства. С одной стороны, над ним довлеет старая теория трех столиц: литовцы – завоеватели, из-за которых «наше отечество утратило, и надолго свою древнюю столицу» (Киев – Авт.), а вся древняя область Кривская, или нынешняя Белоруссия,¹ уже совершенно зависела от Гедимины, а вообще, Литвой были отторжены лучшие области России. Но при этом оказывается, что тот же Гедимин «правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя Веру Греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от Митрополита Московского». При этом граждане Волыни «... гнушаясь насилием папистов, славили терпимость Литовского Правления» (Карамзин, 1992: 122-127, 158). Гедимин, назвав себя «Великим Князем Литовским и Российским», и князей русских не изгонял, «оставляя им Уделы наследственные».²

Так было и при Ольгерде (Карамзин, 1992: 158, 316 прим. 350). Да и вообще, может быть, «чуждость южных областей» стала проявляться раньше литовского натиска – откуда тогда в войсках Гедимины русские (Карамзин, 1992: 124).³ В примечаниях историк разбирает легенды о Гедимине и, полемизируя с предшественниками, высказывает вполне убедительные мысли о нем, о его политике, об основании Вильны и т.д. (Карамзин, 1992: 279-282 прим. 265-274; 285 прим. 277).

Историка нового столетия уже не удивляет, в отличие от его предшественников прошлого столетия, что князь Александр принят на Псков «из литовской руки». С Гедимином подружился и Новгород, и из его руки принял на пригороды князя. Столь же восторженную характеристику, как и Гедимину (даже, пожалуй, и получше), историк дает его старшему сыну Ольгерду, с помощью «наших летописей» поправляя сведения о нем Я. Длугоша (Карамзин, 1992: 151, 306 прим. 333). Внимательно Карамзин следит за делами правления в Литовской земле.

Подмеченное нами некое раздвоение сознания у Карамзина продолжается и даже усиливается. С одной стороны, он пишет о том, что Димитрий мог хотеть «возвратить отечеству прекрасные земли, отторженные Литвою от России», с другой – он употребляет такое понятие, как «Россия Литовская» («Литовская Россия») (Карамзин, 1993: 21, 33, 89, 140), воочию показывая, что государственное образование это создавалось отнюдь не только насилием. «Смоленск и Брянск уже давно зависели некоторым образом от Литовского Княжения, как союзник слабый обыкновенно зависит от

¹ В первом издании у Карамзина была «Белороссия», но слово исправлено в списке опечаток (Карамзин Н.М. Варианты и разночтения. Глава VIII. С. 340).

² В связи с этой мыслью историографа С.Б. Свердлов верно подметил, что тут намечено будущее исследовательское направление в изучении Литовского государства, составной частью которого стали западнорусские земли (Свердлов, 2018: 260).

³ Там же. С. 124. Великий магистр уже при Ольгерде «одержал над Литвою блестящую победу, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска, ибо жители сих городов сражались под знаменами Ольгерда» (Карамзин, 1992: 155, прим. 336, с. 308; 340, с. 311-312).

сильного», но, дав такое определение, он тут же отмечает, что Брянск, устав от «мятежного безначалия», присоединился к Литве (Карамзин, 1992: 168). Города древней земли Вятичей поддались Витовту не только неволею, но и волею! (Карамзин, 1993: 89). А сам-то этот «сын Кестутиев» стал «Монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север». Когда Витовт встретился с Василием I «на берегах Угры», его войско состояло из полков киевских, смоленских – «и тщетно Свидригайло искал изменников в стане Литовском: самые Россияне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжеские (Василия – Авт.)» (Карамзин, 1993: 106).

Характеристику Ольгерда больше украшает не то, что он, как и все остальные великие литовские князья, «хитрый», а то, что «более двадцати лет, воюя непрестанно, купил себе славу Героя». Это при нем остановили натиск монголов в битве у Синих Вод, это он наносил страшные удары орденским братьям. А когда он идет на Москву, то в войсках его (чувствуется, что Карамзину трудно это признать) идут русские, тот же князь смоленский, который соединил свою дружину с полками литовскими. Да и полководцы россиян (Дмитрия Донского) уже не признают «тамошних обитателей единокровными братьями», дозволяют воинам «пленять и грабить» (Карамзин, 1993: 14, 33). Этим-то, конечно, знатоков русской истории не удивишь: вспомним борьбу волостей (городов-государств) в Киевской Руси. Но здесь этот этос отношений уже привязан к двум существующим политическим системам, двум формирующимся государственным образованиям: Великому княжеству Литовскому и Московскому государству. Такое «раздвоение сознания» для литуанистики особенно дорогого стоит, если мы отстранимся и вспомним, что из-под пера историографа выходило не что иное, как «национальный нарратив», для которого была характерна, по замечанию С.И. Маловичко, «идеализация своего народа» (Прошлое для настоящего..., 2020: 161-162). Крайне интересно в этой связи, что и история Польши (И. Лелевель), и история Литвы (С. Даукантас) будут соиздаваться под сильным влиянием Карамзина!

Отметим и большое внимание (как всегда) Карамзина к деталям литовско-русской истории. Наш историк критикует «литовского» историка, т.е. М. Стрыйковского, который вместо трех походов на Москву описал только один, украсив его многими «художественными» деталями (Ольгерд въезжает в Кремль, ударяет копьём в стену «на память Москве и вручает красное яйцо Дмитрию). Смех у историографа вызвало и то, что «Стрыйковский» именуется московского князя Семечком (Симеоновичем?) и полагает, что Ольгерд ходил к Москве в 1332 году (Карамзин, 1993: 23-24, 233 прим. 30). На эту деталь стоит обратить внимание, поскольку наш историограф покусился тут на давнюю традицию. М. Стрыйковский передал этого «Семечку» А. Кояловичу, а тот – автору самого крупного сочинения о ВКЛ в XVIII в. – А.Л. Шлецеру.¹

Историограф не выпускает ВКЛ из поля исторического зрения: в ней междоусобие – переворот Ягайло. Наверное, отдельное исследование стоило бы посвятить Куликовской битве в освещении историографа. По наблюдению В.А. Кучкина, в основу ее освещения он положил «Сказание о Мамаевом побоище», именно из «Сказания» он взял не только факты, но и архаические объяснения замыслов Мамаю, а также планов рязанского и литовского великих князей (Кучкин, 1993: 463). Получается, что в этом он не очень-то ушел вперед от М.М. Щербатова (Щербатов, 1781: 125). Интересны даже мелкие ремарки Карамзина: например, «великолепный литовский князь Остей, вероятно, Димитрием посланный».

По достоинству Карамзин оценил такое событие, как крещение Литвы, которое привело ее «в число Держав Христианских», но имело «огорчительные следствия для Россиян», поскольку Ягайло сделался гонителем православия (Карамзин, 1993: 56-57, 255 прим. 109). «...Литовцев ставили в ряды целыми полками: священники кропили их святою водою и давали имена христианские...» – одно имя целому полку. Один из сравнительно недавних комментаторов Карамзина («ведущий специалист по его творчеству») увидел здесь некий фарс: «Карамзин, не скрываясь, высмеивает Ягайло и крещение»; «откровению, свободному религиозному акту учеников Христа Карамзин противопоставляет тоталитарно-механический обряд, превратившийся в пародию» (Карамзин, 2005: 592). Зря А.Ф. Смирнов приписал все это Карамзину – тот просто писал в рамках традиции, заложенной Я. Длугошем, не зная более древних свидетельств (Fijalek, 1987: 142-143).

Когда историограф повествует об известных зверствах смоленского князя Святослава во время нападения на Мстиславль, от пронизательного взгляда его не ускользает то, что обращался-то он так именно с «Россиянами» (Карамзин, 1993: 58). Тут нельзя не видеть отголоски той же межволостной борьбы, уходящей корнями в Киевскую Русь (Дворниченко, 2013а). Дмитрий на поражение своего союзника Святослава не реагирует, он, вообще, не «хотел раздражать Литвы» (Карамзин, 1993: 63). Эти отношения между формирующимися государствами постоянно в поле зрения историка, включая, как и прежде, многие колоритные детали литовско-русской истории: он не забывает ни о Марии Кейстутьевне – жене тверского князя, ни, тем более, о Софье Витовтовне – супруге Василия Дмитриевича. Да и просто «Дела Литовские» требуют самого пристального внимания, прежде всего

¹ См. (Рогов, 1966: 174). По поводу этого злополучного «Семечки» А.И. Рогов выдвинул предположение, что здесь у Стрыйковского (а от него эта ошибка перешла к последующим историкам) имеется в виду Шемяка.

сам Витовт, который славился разумом и мужеством, князь «тогда славнейший из Государей северной Европы» (правда, для России был ужаснее Гедимины и Ольгерда) (Карамзин, 1993: 73, 139).

Длящаяся тема – Витовт и новгородцы, которые занимают особое место в этом межгосударственном раскладе сил. Не случайно Витовт «грозил Новгородцам, как державе особенной». Литва и псковичи – еще одна постоянная тема. Тут тоже была своя специфика, поскольку отношения литвы и псковичей во многом определялись отношениями последнего с их «братьями» новгородцами и Москвой (Карамзин, 1993: 92, 116; 286 прим. 172; 301-302 прим. 217; 103-104, 192-193 и др.) Ну и, конечно, Витовт и монголы. Карамзин, описав трагедию на Ворскле, пронизательно пишет о неоднозначном воздействии этого события на «Россиян». И такое воздействие вполне укладывается в русло его представлений о «Литовской России». С одной стороны, русские утешались, что силы опасной Литвы ослабели и при этом боялись нового тиранства ханов, но, с другой стороны, они жалели тех многочисленных русских, которые пали под знаменами литовскими (Карамзин, 1993: 96).

Повестью дальше о политике великого Витовта, историк рисует картину, далекую от однозначного противостояния двух враждебных сил. И князя Лугвеня, Ольгердова сына, россияне любят, да и у самого Витовта есть сторонники, которые сдают ему Смоленск. Впрочем, и Витовт проводит «благоразумную политику», даря жителям Смоленска льготы. Неудивительно, что он на 110 лет утвердил город за Литвой. Карамзина, конечно, больше интересуют проблемы взаимоотношений ВКЛ и Московии. Совсем кратко сообщает он о Грюнвальде, по ходу дела закладывая легенду, которая тиражируется до наших дней: Витовт одержал победу над немцами в битве «единственно храбростию верных ему смоленских полков (курсив наш – Авт.)» (Карамзин, 1993: 101).¹ В связи с уже известным нам «раздвоением сознания» Карамзина стоит и редкая для него попытка рассуждать в духе альтернативной истории. Прав ли был Василий I, не допустил ли ошибки по отношению к Витовту, разбитому на Ворскле ханом? Надо было ударить на Литву, чтобы соединить южную Россию с северной, а после тем удобнее свергнуть иго ханское. Но все ли обстоятельства нам известны? Князь московский, государь шести или семи нынешних губерний в северной России, имел ли способ сокрушить Витовта, который властвовал над ее лучшей многолюднейшей половиной и над всей Литвой, располагал также силами Польши. К тому же отношения были столь близки, что с 1408 г. князья жили в непрерывном согласии, а свою семью Василий «приказал» «брату и тестю» Витовту (Карамзин, 1993: 121-123).²

После смерти Василия Дмитриевича литовско-русская история у Карамзина сначала не отходит на задний план. Он излагает и политику «хитрого Витовта» в церковных делах; не забывает и о военных действиях со стороны Литвы, ярко рисует съезд «венценосцев и князей» в Литве в 1430 г. (Карамзин, 1993: 127-128, 136-138). Однако вскоре он сосредотачивается на московской первой смуте, лишь эпизодически вспоминая о похожих событиях в ВКЛ, связанных с именем князя Свидригайло. Литва все чаще упоминается в качестве убежища для опальной знати или, наоборот, «выхода» знати отсюда: сюда бежал Басенок, выехал отсюда Александр Чарторижский и др. Правда, и обмен послами происходит. А главное, Карамзин по-прежнему всерьез считает, что без ВКЛ адекватно не понять истории Восточной Европы: Улусы и Литва ограничивали круг политики России, а «начало Крымской Орды» во многом уходит корнями в политику Литвы (Карамзин, 1993: 199).

Но вот пришла эпоха Ивана III, и «отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства» (Карамзин, 1989b: Стб. 6). Такие монархически-патриотические восторги не могли не сказаться и на восприятии ВКЛ. Происходит явный сдвиг в сторону трактовки его сугубо как объекта завоевания: «от пределов Литвы и Новагорода до Сибири». Тема борьбы, войны будет звучать вплоть до конца освещения интересующей нас эпохи, варьируясь так или иначе. Казимир – «естественный враг Москвы» – в этой своей «естественности» вполне идентичен ордынским ханам (Карамзин, 1989b: Стб. 33, 56). Уже и дружить с другими государственными образованиями, типа Твери или Венгрии, Москве приходится именно против ВКЛ. Даже первый договор с Австрией содержит статью против Литвы. А дружба Литвы – это враги самодержавия, да и России вообще (Карамзин, 1989b: Стб. 134, 81, 89), тем более что «грозное Московское Самодержавие» уже многих сделало своей жертвой: «С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно». Карамзин рассказывает о важном для понимания и истории ВКЛ, и литовско-московских отношений «заговоре князей» 80-х гг. XV в. (Карамзин, 1989b: Стб. 106, 130)³. ВКЛ уже окончательно стало местом убежища для всех тогдашних московских диссидентов. Связь с Литвой для московских правителей может служить даже просто поводом для репрессий: «великий князь сменил архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвой» (Карамзин, 1989b: Стб. 86, 113, 129).

¹ Сам он битву не описывает и даже не дает ее названия, а отсылает к хронике Ф.К. Гадебуша (Gadebusch, 1780).

² Карамзина при этом очень удивило, что и Василий II Васильевич «приказал супругу и детей своих Королю Польскому Казимиру, называя его братом (курсив Карамзина – Авт.)» (Карамзин, 1993: 194).

³ См. об этом заговоре: (Дворниченко, 2013b).

Конечно, Карамзин был во многом прав: эпоха формирования новых государств Восточной Европы входила в решающую стадию. Они не только враждовали, но и обменивались послами (Карамзин, 1989b: Стб. 11-12, 54, 138, 154, 204 и др.). Они становились главными акторами в политической жизни Восточной Европы. Ярче всего это проявилось в ситуации с Великим Новгородом, при описании захвата которого Москвой историк весьма подробно рассказывает о ВКЛ и даже приводит текст договора с Казимиром, который он нашел в Пушкинском собрании Двинских грамот (Карамзин, 1989b: Стб. 21-22, прим. 42. Стб. 12-14). Но Казимир и с псковитянами заигрывал (Карамзин, 1989b: Стб. 54).

Однако прежние представления историка отнюдь не исчезли бесследно, как не исчезла и историческая реальность, которую они отражали. Новгородцы приняли князя Михаила Олельковича, брат которого Симеон «правил в Киеве с честью и славою, подобно древним князьям Владимирова племени». В таком восприятии литовско-русского князя Карамзин вполне един с летописцами (Карамзин, 1989b: Стб. 18. Прим. 34. Стб. 10).

По-прежнему живет понятие «южная Литовская Россия», которую надо теперь завоевывать, или просто «Литовская Россия» (Карамзин, 1989b: Стб. 133, 182, 184). Ситуация меняется на глазах историка: «время уже приучило Северную Россию смотреть на Литовскую, как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена и связь единокровства ослабела» (Карамзин, 1989b: Стб. 153). Однако не столь уж она и «ослабела». Российский правитель, думая «единственно о выгодах государственных», натравил на Киев Менгли-Гирея, а потом еще и получил от него в подарок золотые святыни, похищенные из Киево-Печерской Лавры. Православные же москвитяне оскорблены тем, что Россия насылает варваров на единоверных – жечь и грабить святыни церкви, древнейшие памятники нашего христианства (Карамзин, 1989b: Стб. 107). Да и то, что тому же Новгороду Великому можно избирать только одного из двух государей: литовского или московского – вряд ли случайно! Позиция самого историка, конечно же, промосковская, но вдумайтесь в такие слова: «К счастью, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна» (Карамзин, 1989b: Стб. 85-86). Продолжая эту мысль, можно сказать, что, если бы наследовали, а бог бы не даровал, то была бы у нас сейчас столица не Москва, а Вильнюс! Впрочем, мы, как и Карамзин, не большие поклонники альтернативной истории...

Карамзин следит за событиями в ВКЛ, пусть и в связи с ситуацией литовско-российских отношений, «Литва – главный предмет политики государя: «Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменяла систему России», – речь идет о смерти Казимира и возведении на литовский престол его сына Александра и одновременно возведении Альбрехта на польский престол. Должное внимание историк уделит и браку дочери Ивана и великого князя литовского Александра – «народ Литовский» (русский?) в Смоленске, Полоцке, Витебске весело торжествовал: «сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными народами» (Карамзин, 1989b: Стб. 163, 157). Ничего, конечно, из этого не вышло. А вот и еще одна удивительная коллизия: Константин Острожский «брат Россиян в Церкви, но страшный враг их в поле» (Карамзин, 1989b: Стб. 185).

Ко времени Василия III Ивановича система государств в Восточной Европе столь укрепилась, государства эти так развились, что Карамзин – певец государства именно Российского – на нем и концентрирует основное внимание. ВКЛ интересуется лишь в связи с противостоянием с Московией. Историограф живописует гонения на греческую веру в ВКЛ, описывает войну – победы и поражения той и другой стороны. Война эта, «славная для Иоаннова оружия, придала нам еще более важности и знаменитости» (Карамзин, 1989b: Стб. 182, 205). Вот Александр стал (по смерти Альбрехта) королем и Польши. Можно смело сказать, что отношения с ВКЛ – главный тренд внешней политики при Иване III. Ситуация не меняется и при Василии III Ивановиче.¹ Первый позыв в отношениях с ВКЛ у нового российского правителя – вполне в духе прежних представлений. После смерти в 1506 г. Александра молодой московский царь обращается к сестре – вдовствующей Елене – помочь ему стать королем Литвы и Польши. У Карамзина свой комментарий: «Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о древних и новых границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелью одного из них» (Карамзин, 1989c: Стб. 10). Мы теперь можем вздохнуть с облегчением: ни один, вроде, пока не погиб... Но преемником уже был объявлен Сигизмунд, который, в свою очередь, предложил Василию вечный мир с условием, что он отпустит литовских пленников и отдаст те места, которыми завладели россияне уже после шестилетнего перемирия. По мнению Карамзина, «сие требование казалось умеренным», но только не Василию. В общем, опять ничего путного не вышло, а вскоре все снова вышло из-под контроля: Константин Острожский, нарушив клятву, бежал из Московии в Литву, а Михаил Глинский поднял мятеж в Литве и убежал в Московию. В войне двух родственных государств огромную роль играла и

¹ Седьмой том практически и начинается с встречи Василия с литовским послом, которому руки российский правитель не подал, поскольку в ВКЛ «свиристествовали заразительные болезни» (Карамзин, 1989c: Стб. 9). Интересно, соблюдал ли он «социальную дистанцию»?

татарская Таврида, за союз с которой приходилось постоянно бороться. Положение уже было такое, что, как бы удачно не ложились карты в сторону мира, «не долго Россия и Литва могли наслаждаться миром» (Карамзин, 1989с: Стб. 11-19, 30). И снова война! После Ведроши наступил триумф литовцев под Оршей: они «никогда не одерживали такой знаменитой победы над Россиянами». И вот уже Константин Острожский «русским языком славит Бога за истребление Россиян». Нет конца этой сваре – уже и барон С. Герберштейн от императора Максимилиана едет мирить непримиримых исторических родичей (Карамзин, 1989с: Стб. 43, 51). Вот оно как: «Сия десятилетняя война, славная для Сигизмунда громкою победой Оршинскою, а для нас полезная приобретением Смоленска, для обоих же государств равно опустошительная». И Карамзину тут остается только поплакать по поводу гибели Немецкого (Тевтонского) ордена, который он всегда воспевал, называя «славным» и т.д. (Карамзин, 1989с: Стб. 71-72). Вот и пойми нашего историка-патриота нам, воспитанным на гениальном в своей наивности фильме С. Эйзенштейна! Война продолжалась и дальше, причем на Тавриду российская власть тогда не претендовала, политика ограничивалась Литвой: «там видели мы прочные, естественные, языком и Верою утверждаемые приобретения, нужные для могущества России» (Карамзин, 1989с: Стб. 76).

Без ВКЛ историю Московии не понять ни на каком уровне. После смерти Василия III все переживали о судьбах государства: никогда Россия не имела такого малолетнего властителя (Иван – будущий Грозный) и «не видала своего кормила государственной власти в руках юной жены и чужеземки литовского ненавистного рода» (Карамзин, 1989д: Стб. 5). А главный предмет политики – снова ВКЛ, наряду с Тавридой и Казанью. И вот уже строятся на литовской границе крепости, вот уже идет «война Литовская» с успехом для россиян (Карамзин, 1989д: Стб. 15, 19, 22-24). И хоть с успехом, но «вечного мира» хотят обе стороны. Но, как всегда, не «согласились в условиях», и уже Иоанн ищет здесь себе невесту (Карамзин, 1989д: Стб. 46-47).

Смена власти и декораций: Сигизмунд умер, а Август больше думал о делах любовных. Но лет через пять его правления встали те же проклятые вопросы: к взаимным территориальным претензиям добавилось неприятие титула новоиспеченного российского царя. В общем, перемирие (какой уж тут «вечный мир»!) заключили на прежних условиях. Потом его продлили и даже предложили Августу союз против хана. Это «...предложение столь радостно удивило Короля, Вельмож, народ, связанный с нами узами единокровия и Веры, что Посланника Московского» в Литве носили на руках. Говорили с жаром о христианском братстве, вспоминали судьбу Греции, ... но все обоюдное расположение исчезло, как мечта, – дела снова запутались, и древняя ненависть воспрянула. Виной была Ливония. Но ведь ясно было, что война Ливонская произведет Литовскую, хоть москвиты и согласились придерживаться того перемирия до 1562 г. (Карамзин, 1989д: Стб. 72, 156-157, 176).¹

В знаменитом девятом томе эта война и началась, хоть и шла вяло. Шла она параллельно с ужасавшим впечатлительного историографа перерождением Ивана, все больше превращавшегося в «тирана, который из Слободского своего вертепа свирепо глядел на Москву» (Карамзин, 1989е: Стб. 9, 57). Тут уж Карамзину окончательно не до Литвы: того, что там происходит внутри, он практически не касается, объяснив униатский процесс лишь желанием не имевшего детей Сигизмунда неразрывным соединением Литвы с Польшею утвердить их могущество, чтобы та и другая держава не избрала себе после его смерти особенного властителя (Карамзин, 1989е: Стб. 71). Конечно, воплотить в жизнь это намерение было крайне трудно, поскольку, по наблюдению историографа, вельможи литовские жили в вечной вражде между собою.

Литва в качестве врага повсюду: даже Стамбулу помогает осуществить неудачную Астраханскую операцию (Карамзин, 1989е: Стб. 74, 76). Впереди еще много событий той несчастной для России, менее славной для Батория, чем постыдной для Иоанна, войны (Карамзин, 1989е: 206). Но, во-первых, это уже другая эпоха – после Люблинской унии, а во-вторых, сведений о Литве у Карамзина все меньше и меньше...

Еще один вопрос, который встает в конце рассмотрения взглядов Карамзина, связан с изучением им той историографии и тех источников, которые он имел в своем распоряжении. Правда, этот вопрос мог бы стать предметом анализа в отдельной статье. И все-таки мы здесь не можем не отметить весьма широкий их круг. Польских историописателей он знает практически всех. М. Стрыйковский – «Историк-Поэт, ибо он писал отчасти стихами» – для него часто объект критики, порой весьма конструктивной, хотя западнорусские летописи историограф знает только в изложении знаменитого мазовшанина. Знаком наш историограф и с творчеством главного толкователя Стрыйковского – А. Кояловича, неоднократно ссылается и на более скандального «продолжателя» мазовшанина – А. Гваньини. Карамзин знаком и с ранними ливонскими хрониками, и с германскими

¹ Все предыдущее изложение не позволяет согласиться с А.И. Филюшкиным в том, что Карамзин сделал главным противником России в сконструированной им «Ливонской» войне Речь Посполитую потому, что она при нем была самым актуальным противником России (Филюшкин, 2015: 3-4). Такое внимание именно к «Литовской войне» проистекало из глубокого анализа Карамзиным всего исторического процесса.

авторами уже XVIII в., среди которых Й.Г. Арндт, Х. Кельх, Ф.К. Гадебуш и др. Что касается славного А.Л. Шлецера, то неоднократные ссылки на его работы показывают, что историограф знал его «Allgemeine Nordische Geschichte», но, к сожалению, не имел представления о другой его работе (собственно главном труде о Литве XVIII века) – «Истории Литвы» (Schlözer, Gebhardi, 1785).¹

Что касается использования Карамзиным великорусских летописей, то, например, Ростовская летопись – крупный летописный свод, в котором были объединены два источника: московский свод 1479 г. и новгородский владычный свод, который доводит изложение до 1539 г. (Шахматов, 1904) – отнюдь не идеальный источник по истории ВКЛ. Впрочем, проблема «Карамзин – русские летописи» уже не раз рассматривалась в научной литературе, а мы хотим сказать о явной заслуге Карамзина. В его «Истории» часто фигурирует актовый материал, полученный им из Кенигсбергского архива (Карамзин, 1993: 256; 292; 333 и др.). Это документы, скопированные в 1808–1816 гг. экспедицией прибалтийского дворянства под руководством ландрата В.Ф. Унгерн-Штернберга. Данные копии не разысканы (Карамзин, 1992: 345-346; Карамзин, 1993: 407). Это чрезвычайно важные для познания ВКЛ источники, которые принадлежали архиву магистров Тевтонского ордена. Ныне оригиналы их хранятся в Берлине в Секретном государственном архиве Фонда «Прусское культурное наследие».²

4. Заключение

Историю российской литуанистики обычно начинают с работ одного из отцов-основателей петербургской исторической школы Н.Г. Устрялова, устанавливая, таким образом, хронологический репер этого начала примерно на середине XIX столетия. «Случай» Карамзина показывает, что это неверно. Комплексный подход к изучению источниковой базы, постоянный интерес к теме, а главное, ментальность уже нового «длинного девятнадцатого века», пусть и его начала, которая позволила покуситься на многие легенды (хоть и далеко не на все) – все это позволяет говорить о серьезном вкладе Карамзина в становление российской литуанистики. Отношение великого историографа к истории ВКЛ отнюдь не было прямолинейным и однозначным. И тем не менее, продолжая наработки ученых уже прошлого «осмнадцатого» столетия, он фактически закладывал основы дальнейшего развития российской литуанистики. Много, как и в восприятии «государства Киевская Русь» (Дворниченко, 2017), он воспринимал на уровне интуиции, что мы назвали своего рода «раздвоением сознания», многого еще не знал, кое-чему не придавал должного значения. Но воздадим должное этому «последнему русскому летописцу и первому историку» (А.С. Пушкин).

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках гранта «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

Литература

Горовенко, 2019 – Горовенко А.В. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2019. 416 с.

Дворниченко, 2013a – Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV веках. М.: Весь Мир, 2013. 232 с.

Дворниченко, 2013b – Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М.: Издательство Аргмак-Медиа, 2013. 204 с.

Дворниченко, 2015 – Дворниченко А.Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 152-160.

Дворниченко, 2017 – Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2017. 559 с.

Критические примечания генерал-майора Болтина, 1794 – Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. 479 с.

Карамзин, 1989a – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. I. М.: Наука, 1989. 643 с.

Карамзин, 1989b – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 2. Т. V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т. VI. Стб. 5-228.

¹ Интересно, что Карамзин неоднократно ссылается и на работы «соавтора» Шлецера по данной работе (это, собственно, две работы под одной обложкой) – известного немецкого историка Л.А. Гебгарди, но также не на эту работу.

² См. о судьбе архива: (Forstreuter, 1955).

- Карамзин, 1989с** – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 2. Т. V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т. VII. Стб. 5-142.
- Карамзин, 1989d** – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 2. Т. V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т. VIII. Стб. 5-188.
- Карамзин, 1989е** – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 3. Т. IX, X, XI, XII. М.: «Книга», 1989. Т. IX. Стб. 1-280.
- Карамзин, 1991** – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. II–III. М.: Наука, 1991. 828 с.
- Карамзин, 1992** – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. IV. М.: Наука, 1992. 480 с.
- Карамзин, 1993** – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. V. М.: Наука, 1993. 560 с.
- Карамзин, 2005** – Карамзин Н.М. История Государства Российского: XII томов в 3-х книгах. Книга 2. Т. V–VIII. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. Илл. Б. Чорикова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 640 с.
- Козлов, 1999** – Козлов В.П. Российская археография в конце XVIII – первой четверти XIX века. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 415 с.
- Кучкин, 1993** – Кучкин В.А. Конец «темного периода» русской истории // Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. V. М.: Наука, 1993. С. 446-479.
- Мегем, 2011** – Мегем М.Е. Образ средневековой Литвы в историографии первой половины XIX века // *Вестник РГУ им. И. Канта*. 2011. № 12. С. 144-155.
- Прошлое для настоящего, 2020** – Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
- Рогов, 1966** – Рогов А.И. Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М.: Изд-во «Наука», 1966. 310 с.
- Рубинштейн, 2008** – Рубинштейн Н.Л. Русская историография. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 938 с.
- Сапченко, 2006** – Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин в движении времени // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 7-24.
- Свердлов, 2018** – Свердлов М.Б. История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
- Улащик, 1985** – Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: «Наука», 1985. 262 с.
- Филюшкин, 2013** – Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийский вопрос во второй половине XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.
- Филюшкин, 2015** – Филюшкин А.И. Как изучать Ливонскую войну (историографические заметки) // *Российская история*. 2015. № 4. С. 3-17.
- Шахматов, 1904** – Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1904. Кн. I. С. 9-182.
- Щербатов, 1781** – Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. От начала царствования великого князя Дмитрия Ивановича, проименованного Донской, до царствования царя Иоанна Васильевича. Ч. I. От начала царствования великого князя Дмитрия Ивановича, проименованного Донской, до царствования великого князя Иоанна Васильевича. СПб., 1781. Кн. 9. 598 с.
- Gadebusch, 1780** – Gadebusch F.K. Livländische Jahrbücher. Erster Theil. Letzterer Abschnitt von 1400 bis 1561. Riga: Hartknoch, 1780. 570 p.
- Dvornichenko, Kudrayvtseva, 2019** – Dvornichenko A.Yu., Kudrayvtseva R.-E.A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 935-955.
- Forstreuter, 1955** – Forstreuter K. Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände (Veröffentlichungen der Niedersächensischen Archivverwaltung. H. 3. Göttingen, 1955. 114 p.
- Fijałek, 1987** – Fijałek J. Kościół Rzymskokatolicki na Litwie // *Chrzstianizacja Litwy*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy ZNAK, 1987. Pp. 129-318.
- Schlözer, 1785** – Schlözer August L. Gebhardi Ludwig Albrecht. Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. Halle, 1785. 300 p.

References

- Dvornichenko, 2015** – *Dvornichenko A.Yu.* (2015). Plemennye struktury i slavyanskije politogenezy (Replika) [Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. № 2. Pp. 152-160. [in Russian]
- Dvornichenko, 2013a** – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). Gorodskaya obshchina Verkhnego Podneprov'ya i Podvin'ya v XI – XV vekakh [Urban community of the Upper Dnieper and Podvina in the XI-XV centuries]. Moscow: Ves' Mir. 232 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2013b** – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obshchiny, soslovij i gosudarstvennosti [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (until the beginning of the 16th century). Essays on the history of the community, estates and statehood]. Moscow: Argamak-Media. 240 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2017** – *Dvornichenko A.Yu.* (2017). Zerkala i himery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. About the emergence of the old Russian state]. Moscow: Klio; St. Petersburg: Evraziya. 559 p. [in Russian]
- Dvornichenko, Kudrayvtseva, 2019** – *Dvornichenko A.Yu., Kudrayvtseva R.-E.A.* (2019). The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 935-955.
- Fijalek, 1987** – *Fijalek J.* (1987). Kościół Rzymskokatolicki na Litwie. *Chrzstianizacja Litwy*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy ZNAK, pp. 129-318.
- Filyushkin, 2013** – *Filyushkin A.I.* (2013). Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropy. Baltiiskii vopros vo vtoroi polovine XVI v. glazami sovremennikov i potomkov [Inventing the first war between Russia and Europe. Baltic question in the second half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 880 p. [in Russian]
- Filyushkin, 2015** – *Filyushkin A.I.* (2015). Kak izuchat' Livonskuyu voynu (istoriograficheskie zametki) [How to Study the Livonian War (Historiographical Notes)]. *Rossiiskaya istoriya*. № 4. Pp. 3-17. [in Russian]
- Forstreuter, 1955** – *Forstreuter K.* (1955). Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. H. 3. Göttingen, 114 p.
- Gadebusch, 1780** – *Gadebusch F.K.* (1780). Livländische Jahrbücher. Erster Theil. Letzterer Abschnitt von 1400 bis 1561. Riga: Hartknock, 570 p.
- Gorovenko, 2019** – *Gorovenko A.V.* (2019). Vasilii Tatishchev i «drevnie letopisi»: domongol'skaya Rus' glazami pervogo russkogo istorika [Vasily Tatishchev and "ancient chronicles": pre-Mongol Russia through the eyes of the first Russian historian]. St. Petersburg: «Izdatel'stvo Olega Abyshko». 416 p. [in Russian]
- Karamzin, 1989a** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. I. Moscow: Nauka, 643 p. [in Russian]
- Karamzin, 1989b** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P. M. Stroeva. Kn. 2. T.V, VI, VII, VIII. Moscow: «Kniga», vol. VI. Stb. 5-228. [in Russian]
- Karamzin, 1989c** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P.M. Stroeva. Kn. 2. T.V, VI, VII, VIII. Moscow: «Kniga», vol. VII. Stb. 5-142. [in Russian]
- Karamzin, 1989d** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P. M. Stroeva. Kn. 2. T.V, VI, VII, VIII. Moscow: «Kniga», vol. VIII. Stb. 5-188. [in Russian]
- Karamzin, 1989e** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P.M. Stroeva. Kn. 3. T. IX, X, XI, XII. Moscow: «Kniga», vol. IX. Stb. 1-280. [in Russian]
- Karamzin, 1991** – *Karamzin N.M.* (1991). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. II – III. Moscow: Nauka, 828 p. [in Russian]
- Karamzin, 1992** – *Karamzin N.M.* (1992). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. IV. Moscow: Nauka, 480 p. [in Russian]
- Karamzin, 1993** – *Karamzin N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. V. Moscow: Nauka, 560 p. [in Russian]
- Karamzin, 2005** – *Karamzin N.M.* (2005). Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo: XII tomov v 3-kh knigakh [History of the Russian State: XII volumes in 3 books]. Book 2. Vol. V-VIII. Posleslovie, kommentarii A. F. Smirnova. Moscow: OLMA-PRESS, 640 p. [in Russian]

Kozlov, 1999 – *Kozlov V.P.* (1999). Rossiiskaya arkheografiya v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Russian archeography in the late 18th – first quarter of the 19th century]. M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 415 p. [in Russian]

Kriticheskie primechaniya, 1794 – Kriticheskie primechaniya general-maiora Boltina na vtoroi tom Istorii knyazya Shcherbatova [Critical notes by Major General Boltin on the second volume of the History of Prince Shcherbatov]. (1794). St. Petersburg, 479 p. [in Russian]

Kuchkin, 1993 – *Kuchkin V.A.* (1993). Konets «temnogo perioda» russkoi istorii [The end of the "dark period" of Russian history]. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh. Vol. V. Moscow: Nauka, pp. 446-479. [in Russian]

Megem, 2011 – *Megem M.E.* (2011). Obraz srednevekovoi Litvy v istoriografii pervoi poloviny XIX veka [The image of medieval Lithuania in the historiography of the first half of the 19th century]. *Vestnik Kant Russian state university*. №12. Pp. 144-155. [in Russian]

Proshloe dlya nastoyashchego, 2020 – Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: kollektivnaya monografiya [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity: A Collective Monograph]. Ed by L. P. Repinai. (2020). Moscow: Akvilon, 464 p. [in Russian]

Rogov, 1966 – *Rogov A.I.* (1966). Russko-pol'skie svyazi v epokhu Vozrozhdeniya (Strykovskii i ego khronika) [Russian-Polish relations during the Renaissance (Strykovsky and his chronicle)]. Moscow: Nauka, 310 p. [in Russian]

Rubinshtein, 2008 – *Rubinshtein N.L.* (2008). Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. 2-e izdanie. St.Petersburg: Saint Petersburg university press, 938 p. [in Russian]

Sapchenko, 2006 – *Sapchenko L.A.* (2006). N. M. Karamzin v dvizhenii vremeni [N.M. Karamzin in the movement of time]. *Karamzin: pro et contra*. St.Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Russian Christian Academy for the Humanities press. Pp. 7-24 [in Russian]

Schlözer, 1785 – *Schlözer August L.* (1785). Gebhardi Ludwig Albrecht. Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. Halle, 300 p.

Shakhmatov, 1904 – *Shakhmatov A.A.* (1904). O tak nazyvaemoi Rostovskoi letopisi [About the so-called Rostov chronicle]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Book I, pp. 9-182. [in Russian]

Shcherbatov, 1781 – *Shcherbatov M. M.* (1781). Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen. T. IV. Ot nachala tsarstvovaniya velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, proimenovannogo Donskoi, do tsarstvovaniya tsarvya Ioanna Vasil'evicha. Chast' I. Ot nachala tsarstvovaniya velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, proimenovannogo Donskoi, do tsarstvovaniya velikogo knyazya Ioanna Vasil'evicha [Russian history from ancient times. Vol. IV. From the beginning of the reign of Grand Duke Dmitry Ivanovich, named Donskoy, to the reign of Tsar John Vasilyevich. Part I. From the beginning of the reign of Grand Duke Dmitry Ivanovich, named Donskoy, to the reign of Grand Duke John Vasilyevich]. St.Petersburg. Book 9. 598 p. [in Russian]

Sverdlov, 2018 – *Sverdlov M.B.* (2018). Istoriya Rossii v trudakh N.M. Karamzina [The history of Russia in the works of N.M. Karamzin]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, 368 p. [in Russian]

Ulashchik, 1985 – *Ulashchik N.N.* (1985). Vvedenie v izuchenie belorussko-litovskogo letopisaniya [Introduction to the study of the Belarusian-Lithuanian chronicle]. Moscow: Nauka, 262 p. [in Russian]

Первые российские литуанисты: случай Н.М. Карамзина

Андрей Юрьевич Дворниченко ^{a, *}, Регина-Елизавета Антоновна Кудрявцева ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений знаменитого российского историка Н.М. Карамзина на проблемы литовско-русской истории эпохи, предшествующей заключению Люблинской унии 1569 г. Авторы показывают, что образ Карамзина-литуаниста сложен и неоднозначен. Следует иметь в виду, что Карамзин рос и развивался вместе со своим произведением – делом всей жизни. Если в первом томе историку еще явно не хватает знаний по литовско-русской истории, то, начиная со второго тома, история формирующегося Литовско-Русского государства (Великого княжества Литовского) постоянно находится в поле зрения историка. Карамзин прослеживает конфронтацию с Литвой, но это не просто противостояние: Литва становится, если выразиться по-современному, постоянным актором российской истории. Более того, авторы статьи обнаруживают своего рода раздвоение сознания Карамзина касательно ВКЛ. С одной стороны, оно

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.dvornichenko@spbu.ru (А.Ю. Дворниченко), aethel@yandex.ru (Р-Е.А. Кудрявцева)

является враждебной силой по отношению к «России» и «Россиянам», над ним довлеет старая теория трех столиц: литовцы – завоеватели, из-за которых «наше отечество утратило, и надолго свою древнюю столицу». С другой стороны, Литва и литовцы сами являются средоточием центростремительных тенденций, они объединяют южнорусские земли, созидая «Литовскую Россию». Такое «раздвоение сознания» у Карамзина сохраняется даже для эпохи Ивана III и Василия III, практически исчезая уже к временам Ивана Грозного. Учитывая богатую историографическую и источниковедческую основу труда великого историографа, можно говорить о его творчестве как о важной ступени в развитии российской литуанистики, которая расцветет во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: литуанистика, Н.М. Карамзин и его «История государства Российского», Великое княжество Литовское и Русское, историографическая и источниковедческая основа.